

Рудольф Штейнер

Из GA 174

Исторические рассмотрения. Карма лжи. Часть II

Перевод А. Демидов

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 1 января 1917

Карма неправдивости. Действие ядов в высшей человеческой природе. Человек, отставший от эволюции, пропитывает себя ядовитым формофантомом, причиной душевной опустошенности, ипохондрии, агрессивных инстинктов. Спиритуальная жизнь предполагает возможность заблуждений. Противобраз имагинации: неправдивость. Зло возникает из-за неправильного употребления высших сил. Кто не принимает спиритуальное, производит яды.

Если вы обдумаете то, что было сказано вчера относительно так называемых ядовитых веществ, вы почувствуете, я бы сказал, какая же сильная относительность проявляется во всех импульсах бытия. Вы заметите, что какая-либо субстанция может быть обозначена как яд, однако, с другой стороны именно высшая природа человека внутренне родственна этим ядам, и что, в сущности, эта высшая человеческая природа была бы совсем невозможна без воздействия ядов. Тем самым мы касаемся весьма важной для познания области, которая имеет много разветвлений, и без знания которой вообще нельзя понять некоторые тайны жизни и бытия.

Если мы рассматриваем физическое человеческое тело, то мы должны сказать: если бы это физическое тело не было наполнено высшими сущностями или сущностными членами бытия, эфирным телом, астральным телом, «я», оно не могло бы быть тем физическим телом, каким оно является. В тот момент, когда человек проходит через врата смерти,

оставляет своё физическое тело, то есть, когда высшие члены удаляются из физического тела, оно следует совершенно иным законам, нежели в течение того времени, когда в нём находились высшие члены. Говорят, что оно распадается; то есть, оно, умирая, подчиняется физическим и химическим силам и законам Земли.

Таким, каким физическое тело человека является перед нами, оно не может быть построено в соответствие с обычными земными законами, ибо земные законы разрушают его. Только благодаря тому, что в теле действует то, что не является в человеке земным - благодаря его душевно-духовным членам, - тело является таким, каково оно есть. Во всей области физических и химических законов нет ничего, что оправдывало бы существование такого тела на Земле, каким является человеческое тело.

Поэтому мы можем сказать: в соответствии с физическими земными законами человеческое тело представляет собой невозможное существо; оно сохраняется только благодаря его высшим сущностным членам. Здесь в качестве необходимого дополнения выявляется то, что как скоро высшие сущностные члены - «я», астральное тело, эфирное тело - покидают человеческое тело, оно становится трупом.

Из некоторых прежних рассмотрений вы знаете, как то, что дается как схематическое разделение человека, не так просто, как это кому-то хотелось бы. Мы разделяем человека, прежде всего, на физическое, эфирное, астральное тело и на «я». Раньше я уже указывал на то, что всё это сопряжено с дальнейшим усложнением. Во всяком случае, физическое тело предстает само по себе, оно является именно физическим телом. Но эфирное тело как таковое, как эфирное тело, является сверхчувственным, невидимым, не воспринимаемым посредством чувств. Как таковое, чувственно не воспринимаемое, оно является в существе человека. Но оно в некотором смысле имеет свой физический коррелят, он отпечатывается в физическом теле. В физическом теле мы имеем не только собственно физическое тело, но также отпечаток эфирного тела. Эфирное тело проецируется в физическом теле; итак, мы можем говорить об эфирной проекции в физическом теле.

Точно также обстоит и в случае астрального тела; мы можем говорить об астральной проекции в физическом теле. Отдельные подробности вам уже известны. Вы знаете, что проекцию «я» в физическом теле надо искать в некоторых свойствах кровообращения, так как «я» проецируется в

кровь. Подобным образом проецируют себя в физическое тело и другие члены. Само физическое тело, насколько оно является физическим, представляет собой сложное существо, оно само по себе четверично, четырехчленно. Как не может существовать наиболее главное в физическом теле, если внутри его не находятся «я» и астральное (и эфирное) тела, ибо оно тогда становится трупом, так в некотором отношении обстоит дело и с этими проекциями, ибо все они носят субстанциональный характер: без «я» человека не может быть человеческой крови, без астрального тела не может быть никакой человеческой общей нервной системы. Мы имеем эти вещи в себе в качестве коррелятов, соотносительных элементов высших сущностных членов человека.

Как не может быть настоящей жизни, а только некое трупное бытие у физического тела, если «я», - скажем, возносится, - проходит через врата смерти, так не может при некоторых условиях правильно жить то, что является проекцией.

«я»

Астральное тело

Эфирное тело

Физическое проекция «я» тело в физ.теле	эфирная проекция в физическом теле	астральная проекция в физическом теле
--	---------------------------------------	--

Например, «я»-проекция, - то есть некоторые свойства крови, - существуют в человеческой организации неправильным образом, если «я» культивируется неправильно. Чтобы сделать физическое тело трупом, для этого нужно, чтобы «я» действительно, так сказать, реально покинуло это физическое тело. Но вы можете в некоторой степени сделать кровь на четверть трупом, если не позволите ей быть пронизанной тем, что надлежащим образом должно жить в «я», для того, чтобы душевно-духовное правильным образом действовало на кровь. Отсюда вы видите, что имеется возможность привести человеческую душу в такой беспорядок, что в крови, в субстанции крови не смогут осуществляться правильные воздействия. В такой момент, -

даже если не полностью, иначе человек должен был бы сразу же умереть, а лишь частично, - кровь может превратиться в ядовитую субстанцию. Поскольку человеческое тело предается разрушению, если «я» находится снаружи, кровь приобретает нездоровый характер, который можно заметить, если «я» не культивируется и не пронизывается правильным образом.

Когда «я» не культивируется и не пронизывается правильным образом? Это имеет место при совершенно определенных условиях. Если мы посмотрим, прежде всего, только на послеатлантическое время, то эволюция человека происходила так, что в следующие друг за другом культурные периоды послеатлантического времени вырабатывались определенные способности, определенные импульсы. Вы не должны думать, что в древнеиндийский период жили люди, которые по своему душевному развитию были такими же, как мы. От эпохи к эпохе, при прохождении человеком повторных земных инкарнаций, человеческой душе были необходимы другие импульсы.

Я хочу схематически зарисовать то, что тут происходит. Представьте себе, что самое главное, собственно физическое тело находится здесь; итак, это то, что должно быть наполнено всеми более высокими членами человеческой природы, для того, чтобы это физическое тело вообще существовало.

Из всех этих членов человеческой природы я хочу обратить внимание только на «я». Я мог бы с таким же успехом обратить внимание и на все три, но я хочу с помощью штриховки показать, что это физическое тело пронизано «я». Другие проекции тоже должны быть известным образом пронизаны. Так я хочу указать на проекцию эфирного тела, которая в существенном фиксирована в системе желез человека; она опять-таки должна быть некоторым образом пронизана и пропитана. Как третье я хочу обозначить то, что главным образом фиксируется в нервной системе; это опять-таки должно быть пронизанным определенным образом некоторыми воздействиями со стороны «я». Само тело «я» тоже должно быть соответствующим образом пронизано.

Мы только что сказали, что человек, когда он проходил следующие один за другим эволюционные периоды, в каждом

эволюционном периоде должен был подвергаться влиянию иных импульсов развития. Он должен был некоторым образом принимать то, что требовало от него его время. В первую послеатлантическую эпоху, в древне-индусскую эпоху, человек должен был принять в себя душевно-духовные импульсы, которые делали возможным, чтобы тогда особенным образом формировалось эфирное тело; в период, следующий затем, в древнеперсидскую эпоху формировалось астральное тело; в египетско-халдейскую эпоху формировалась душа ощущающая, в греко-латинский - душа рассудочная или душа характера, в нашу эпоху - душа сознательная. От того, принимает ли человек правильным образом то, что соответствует его эпохе, зависит, понижит ли он правильным образом члены своего тела так, что они так будут пронизаны тем, что требует эпоха, как физическое тело пронизано высшими членами. Допустим, что человек стал бы во всем противиться тому, чтобы что-либо воспринять от пятой послеатлантической эпохи, противиться тому, что необходимо этой пятой послеатлантической эпохе, что он отказывался бы от того, что должно было бы культивировать его душу в соответствии с требованиями пятой послеатлантической эпохи. Какие имело бы это последствия?

Его телесность не позволяет себя ослабить, если он принадлежит к той части человечества, которая в первую очередь призвана принимать в себя импульсы пятой послеатлантической эпохи. Не все призваны к этому; но все белые расы призваны сейчас к тому, чтобы принять в себя культуру пятой послеатлантической эпохи. Допустим, человек стал бы противиться этому. Тогда определенный член его телесности, прежде всего, кровь, остались бы без того, что входило бы, если бы он не противился. Этому компоненту его телесности недоставало бы того, что правильным образом внедряло бы соответствующие субстанции и их силы. Однако вследствие этого эти субстанции и живущие внутри них силы, - хотя и не в столь высокой степени, когда человеческое тело становится трупом, а «я» уходит, - становятся в своих жизненных силах больными, деградирующими, и человек в некотором смысле несёт их в себе как яд. Итак, отставание от эволюции означает, что человек пропитывает себя неким формофантомом (Form-phantom), который ядовит. Если бы человек принимал то, что соответствует импульсам его культуры, он смог бы посредством этого душевного склада растворить этот

формо-фантом, который он несет в себе. Но иначе он позволяет ему коагулироваться в теле.

Отсюда происходят болезни, обусловленные культурой, культурный декаданс, всякая душевная опустошенность, взбалмошность, ипохондрия, неудовлетворенность, капризность и так далее, а также все инстинкты, атакующие культуру, агрессивно протестующие против неё. Ибо человек, или принимает культуру эпохи, подстраивается под неё, или развивает соответствующий яд, который оседает, и который может быть растворен только благодаря принятию культуры. Однако вследствие того, что этот яд оседает, развивается инстинкт, направленный против соответствующей культуры. Воздействие яда всегда проявляется в виде агрессивного инстинкта. В народной речи Средней Европы это отчетливо ощущается: во многих диалектах не говорят «человек стал гневен», но «он стал ядовит», что соответствует глубокому ощущению действительного факта. О ком-то гневном в Австрии, например, говорят он стал "gachgiftig", то есть, он «быстро стал ядовитым», он быстро разгневался. Тут присутствует дифференциация по степеням: это вы можете заметить на примере змеиного яда, который в высшей степени ядовит, и который несет в себе агрессивность. Хотя и в гораздо меньшей степени человек отлагает в себе такое ядовитое вещество, которое может стать очень концентрированным, если он отказывается принимать то, что растворяет яд. Именно в нашу эпоху многие люди отказываются принимать формы духовной жизни, соответствующие нашей эпохе, те формы, которые мы с давних пор пытаемся характеризовать, и которые мы теперь характеризуем публично.

Дело обстоит так, что именно этот цветок лотоса здесь (во лбу) делает у таких людей очень заметным то, что тут возникает; ибо дело тут доходит до теплового воздействия, и такие люди в некотором смысле извиваются, изворачиваются, протестуя против отношений внешнего мира, если в них обнаруживается нечто, что могло бы стать целительным для эпохи. Между нас, несомненно, бродит Мефистофель, то есть черт; но начальное развитие чего-то извивающегося, происходит уже оттого, что человек отказывается принимать то, что уместно в культуре данной эпохи. Итак, он не растворяет яд, но делается частично трупом, он в некотором смысле позволяет формо-фантому коагулироваться в организме.

Продумав это, вы сможете уяснить себе возникновение предрасположенности к некоторой неудовлетворенности жизнью. Ибо нося в себе такой ядовитый фантом, человек становится несчастным. В наше время его назовут нервным или неврастеником; но это может сделать его ужасным, склочным, сделать монистом, материалистом, ибо эти качества часто, - гораздо в большей степени, чем думают, - связаны с этой физиологической причиной: с тем, что яд, вместо того, чтобы выводиться наружу, отлагается в человеческом организме.

Из всего этого вы видите, что общее состояние, общая конституция мира, в котором мы находимся, действительно подвержено своего рода подвижному равновесию между добрым, правильным и его противоположностью, - действием яда. Для того, чтобы с одной стороны могло возникнуть доброе, правильное, должна быть возможность, чтобы было отклонение от правильного, чтобы возникало ядовитое воздействие.

Применяя это в широком смысле, вы скажете себе: сегодня в мире должна существовать возможность, чтобы люди приходили к известной спиритуальной жизни, чтобы они развивали в себе импульсы для свободной, внутренней спиритуальной жизни. - Для того, чтобы отдельный человек мог прийти к спиритуальной жизни, должен существовать противополообраз: соответствующая возможность отклоняться от неё серо-магическим или чёрно-магическим образом. Без этого ничего не получится. Точно так же как вы, как люди, не могли бы держаться стоя, не имея под собой Земли, которая дает вам твердую почву, так и ведение светлой спиритуальной жизни невозможно без сопротивления, которое приходится допускать и которое неизбежно для высших областей жизни.

Мы указывали на нечто противоречивое, однако поэтому не менее значительное, что на вопрос: кому мы обязаны Мистерией Голгофы? - каждый мог бы ответить: Иуде; ибо, если бы Иуда не предал Христа Иисуса, Мистерии Голгофы не состоялась бы, поэтому надо было бы быть благодарным Иуде, ибо от него возникло христианство, то есть, Мистерия Голгофы. - Однако всё же нельзя быть благодарным Иуде и признавать его за основателя христианства! Всюду, где человек поднимается в высшие области, надо считаться с живыми, а не с мертвыми истинами, а живая истина несёт в себе свой собственный противополообраз, как в физическом бытии жизнь несёт в себе смерть.

Примите это как нечто такое, что я очень хотел бы сегодня погрузить в ваши души, поскольку это позволяет понять многое. Должна существовать возможность помимо спиритуального отлагать полярно противоположный яд. Но если он может быть отложен, он может быть тоже использован, может быть использован во всех областях.

К сказанному можно присовокупить много вопросов. Но сегодня мы хотим коснуться только такого вопроса: как с этим справиться? Разве не подвергаются большой опасности, что приступая к чему-либо в мире, могут тем самым создать нечто противоположное, ядовитое, или, по крайней мере, кто-либо может получить тенденцию стать ядовитым? Такая возможность, конечно, всегда существует. Всё то, что может быть в мире очень хорошим, может обратиться в свою противоположность. Но так и должно быть для того, чтобы развитие человечества могло совершаться в свободе, что соответствует нашему культурному периоду. Именно самые прекрасные импульсы развития нашей эпохи могут в наибольшей степени иметь предрасположение, обратиться в свою противоположность.

Точно так же как для человеческого организма, относится это и к социальной жизни. Из лекций, прочитанных здесь ранее, вы видели, что в наше время хотя бы в зародыше начинают развиваться задатки для развития имагинативной жизни, для образования восходящих вверх мыслей, которые, конечно, отклоняются материалистически мыслящими людьми. В природе нашего времени заложено то, что постепенно должна развиваться имагинативная жизнь. Что является противоположением имагинативной жизни? Противоположением имагинативной жизни является сочинительство, вымыслы по отношению к действительности, и связанное с ним легкомыслие при утверждении той или иной вещи. Это то же самое, что я часто в этом рассмотрении описывал как невнимательность по отношению к истине, по отношению к реальности, действительности. Самое прекрасное из того, что человечеством в пятой послеатлантической эпохе было поставлено во главе, - постепенное поднятие из чисто односторонней интеллектуальной жизни в имагинативную жизнь, которая является первой ступенью в духовном мире, - может отклониться в неправдивость, в сочинительство (*Erdichtung*) относительно действительности. Само собой разумеется, я не говорю: в «поэзию» (*Dichtung*), - ибо она вполне

правомерна, но именно в сочинительство относительно действительности.

В дальнейшем в нашу эпоху должно возникнуть, - с этим мы тоже знакомы из наших рассматриваний, - особо научное, сознающее свою ответственность мышление. Если вы обратите внимание на то, что необходимо в нашей антропософски ориентированной духовной науке, вы скажете себе: если человек действительно хочет понять, что даёт антропософски ориентированная духовная наука, он должен иметь остро очерченные мысли, в которых живёт воля к конкретному исследованию действительности. Острое мышление необходимо уже для того, чтобы принять наше учение, если мы смеем так называть его, необходимо, прежде всего, некоторый покой мыслей, а не беглое, поверхностное мышление. Мы должны работать над таким мышлением. Мы должны непрерывно прилагать усилия, чтобы требовать от себя мыслей с четкими контурами, чтобы не предаваться слепо симпатиям и антипатиям, если утверждаем что-то для себя или для других. По отношению того, что мы утверждаем, мы должны искать обоснования, фундаментальной аргументации, иначе мы никогда не сможем правильным образом понять духовнонаучную область. Это мы должны требовать. И мы выполним нашу задачу, если это требование поставим самим себе. Если спрашивают: что должны мы делать в наше трудное нынешнее время? - то мы должны сформировать ответ из вышесказанного. Мы должны ясно сознавать, что в современности каждый человек, который хочет, чтобы эволюция Земли шла дальше здоровым образом, должен по совести и честно искать мыслительной объективности только что описанным образом. Именно в этом и состоит задача человеческой души в настоящее время. А поскольку это так, то может развиться также и коррелятивный яд: полная оставленность ясными мыслями, мыслями, которые связаны с реальностью, которые не являются сочинительством, но хотят просто констатировать то, что есть. Потеря стремления к объективности становилась в ходе 19 столетия всё интенсивней и интенсивней. Оторванность совести от того, что мы теперь характеризовали как истину, достигла в 20 столетии высшего пункта в сравнении со всем, что было прежде. Следствия этого становятся самыми плохими тогда, когда люди этого совершенно не замечают; но именно это характеризует наше время.

Я хочу привести вам пару примеров, чтобы вы увидели, что я имею в виду. Я действительно хочу привести эти примеры *sine ira* - без симпатий и антипатий. Есть тут один человек, которого я очень хорошо знаю, он из тех, кого называют приятным, милым человеком. Он участвует в общественной жизни, занимает по праву очень почетное положение в ней, и даже в малейшем не позволяет себе отклониться от того, что называют мыслительной тщательностью при общественных выступлениях. Однако указанный муж недавно смог написать следующее, очень характерное: «это должно быть завершением», - он говорит это в завершении своей статьи, - «не упустить одного, пусть даже краткого обсуждения вопроса...» (*пропуск в тексте*)

Это понятно, что в наше время говорится нечто подобное; я привожу это, поскольку это было сказано действительно серьезным человеком с изрядным, по-настоящему дельным образом мыслей. Но это, если рассмотреть поближе, оказывается настолько лживым, насколько вообще может быть нечто лживым; ибо он не может говорить ничего лживого, а только: «я буду подпевать»: «мы молимся праведному Богу», «Наш Бог есть прочный град» и так далее, с настроением, что это именно молитва, молитва, которую поют, если вообще имеют только ту веру, которую характеризует тут данный человек. Это прямо-таки похвальная речь лживости. Такие похвальные речи лживости вы сегодня найдёте на каждом шагу, и они произносятся, - я мог бы сказать, - по доброй вере; они то и являются коррелятивным ядом по отношению к тому, что должно развиваться как имагинативная, спиритуальная жизнь. И именно у лучших людей может, существовать такое действие яда, будучи более или менее в подсознании. Во всяком случае, если человек знает, что нечто подобное, пульсируя в социальной жизни, является тем же самым, как если бы в человеческий организм влили каплю яда, он может судить обо всём этом правильным образом. Но если он об этом знает, он будет чувствовать себя обязанным, совершать в жизни нечто такое, что теперь часто характеризуется так: он будет прилагать усилия, чтобы держать глаза открытыми по отношению к фактам, чтобы развивать здоровое наблюдение жизни. Без этого дело сегодня не пойдёт. И карма, о которой я говорил, исполняется; это карма не отдельного народа, но всего европейско-американского человечества 19 века, - это карма неправдивости, это прокравшийся яд неправдивости.

Можно особым образом пережить эту карму неправдивости в движениях возвышенных натур. На своём жизненном пути, там или тут я слышал много ложного; но я должен сказать, мне не приходилось встречать где-либо что-либо более ложное, как там, где основное положение звучит: «Нет религии выше, чем истина». Я могу сказать: с такой интенсивностью лгали только там, где, в то же время имели глубочайшее сознание того, что стремятся лишь к истине и ни к чему иному, как только к истине! - Именно там, где стремятся к высшему, надо быть больше всего настороже. Ибо необходимо хоть однажды обратить внимание на то, что в более ранние культурные эпохи бывали иные возможности отклонений, заблуждений. В наше время большой опасностью является отклонение в сторону неправдивости, которая осуществляется посредством отсутствия жизни с действительностью. Отсутствие жизни с действительностью! У людей с порядочным образом мыслей, как у личности в приведенном мною примере - человек, который написал здесь такую ложь, скорее дал бы отрезать себе язык, чем сознательно сказать неправду, - эти вещи действуют, когда они вливаются в социальную жизнь и становятся социальным ядом. Но конечно, поскольку они должны существовать, они могут отклоняться в противоположную сторону: они могут подниматься в человеческое сознание и обращаться во всевозможные бесчинства, - если не сказать более крепкого слова.

Некоторые из вас, возможно, помнят, какой возник резонанс, когда я в Мюнхене несколько лет тому назад впервые радикально указал на эти обстоятельства, причём в открытой лекции. Тогда я говорил: в ходе человеческой эволюции на физическом плане развиваются импульсы добра и зла. Вследствие чего развиваются эти импульсы? Вследствие того, что некоторые силы, принадлежащие, в сущности, высшему духовному миру, неправильно используются здесь, внизу, на физическом плане. Если бы воры свои воровские инстинкты, убийцы - свои инстинкты убийства, лжецы - свои инстинкты лжеца, вместо того, чтобы изживать их на физическом плане, использовали для того, чтобы развивать высшие силы, они развили бы весьма значительные высшие силы. Ошибка состоит лишь в том, что они развивают их не на том плане, где надо. Зло, как я говорил, является добром, опустившимся на другой план. Вследствие этого человек, который является вором, убийцей или лжецом, разумеется, не становится лучше: но эти вещи

надо понимать, иначе человек не может понять их суть и бессознательно подвергается опасности с их стороны.

Нет никакого чуда в том, что в наше время имеется много людей, которые не постигают, что теперь начинает становиться задачей - заниматься спиритуальными делами. Поэтому они не делают этого, а предаются своим материалистическим инстинктам. Но они развивают в себе яды, которые должны были бы растворяться посредством спиритуального. Что становится следствием? Яды развиваются и становятся в человеке, отклоняющем спиритуальное, силами, которые делают его настоящим лжецом; вопрос только в том, насколько сознательным или бессознательным. Однако те же самые силы могли бы использоваться для того, чтобы прекрасно понять спиритуальную науку.

Вспомните, какое, в сущности, весомое познание мы тут имеем перед собой, и как мы благодаря охвату столь весомого познания можем понять основной нерв в карме нашего времени, если только примем то, что я сказал вчера: нельзя вырывать отдельные подробности из того, что является общечеловеческим. Человечество есть нечто целое. Именно как противоположность спиритуальных стремлений в наше время должно существовать и очевидное зло. Действительно познать это зло в его существе, чтобы познавать его и тогда, когда встретишься с ним в жизни, и мочь правильно бороться с ним - относится к задачам нашего времени.

Когда мы говорим о таких вещах, мы приводим этот значительнейший образ мыслей, связанный с кармой нашего времени в соприкосновение с тем, что живёт в наше время и в самом широком окружении способствует гораздо более худшему. Мы видим на поверхности, как в мощных волнах, поглощающих значительно больше, чем думают, пульсирует сегодня в мире ложь. Ложь обладает необычайно сильной жизнью. Но благодаря рассмотрению, как проводимое нами сегодня, вы видите, что ложь является лишь коррелятивным противоположением тех спиритуальных стремлений, которые должны были бы иметь место, но не существуют. Я мог бы сказать, Божественно-духовная Сущность мира даёт человеку возможность стремиться спиритуально. Мы имеем в нас яд, который мы должны разрушить; мы именно должны разрушить его, иначе он останется в нас как некий частичный труп.

Позвольте мне привести для таких вещей пример из повседневной жизни, посредством которого мы могли бы

одновременно преследовать цель лучшего понимания некоторых вещей, которые сегодня встречаются нам на каждом шагу, и которые связаны с жизнью, со всеми её страданиями, со всем злом современности. Ибо в том, чтобы постепенно подойти к пониманию болезненных событий современности, состоит то, к чему мы стремимся в этих рассуждениях, насколько они позволяют это нам. Такие вещи я действительно говорю только потому, чтобы в некотором роде формально характеризовать форму и вид действующих импульсов; не чтобы характеризовать людей, а чтобы характеризовать факты на примерах.

Здесь в Швейцарии циркулирует один человек, который много лет тому назад был адвокатом в Берлине, один стихотворец, который из-за всяких содеянных им дел вынужден был пытаться счастья за границей. Год за годом он циркулировал за границей, и теперь, когда разразилась война, он написал книгу «Я обвиняю», которая наделала шуму на периферии. Можно сказать, что всё это дело с книгой «Я обвиняю» относится к наиболее печальным сопутствующим явлениям нашего времени, поскольку она является столь характерным симптомом. «Я обвиняю» - это толстая книга, и некоторые люди, которые познакомились с ней, утверждают, - это приводится только для примера, - что нет ни одной норвежской хижины, в которой нельзя было бы найти эту книгу. Итак, она принадлежит к одной из самых распространенных книг. Весной я читал в Берлине одну статью об этой книге, написанную кем-то, кто кое-что оценил. Он говорит, что Книга «Я обвиняю» была рекомендована ему одним человеком, которого он чрезвычайно ценил. По типу изображения можно заключить, кто этот ценный им человек: это некто, принадлежащий большому свету в Голландии, тот, кто, однако, - глядя на дело чисто формально, - был не в состоянии вынести суждения обо всём бульварном характере книги «Я обвиняю». Как раз сегодня можно считаться большим человеком, но в суждении о таких вещах проявлять полную беспомощность.

И вот этот малоизвестный автор книги «Я обвиняю» снова выступил в газете «Юманите» со следующими мыслями - как говорится, это не касается меня лично, речь о том, чтобы характеризовать то, что в наше время возможно всё:

Один депутат от социал-демократов выступал в Берлинском Рейхстаге с речью, в которой развил свои взгляды относительно разных связей в предыстории войны. Можно

соглашаться с этим или нет, - дело сейчас не в этом; я хочу показать вам нечто формальное. В своей речи депутат отзывается об одних словах, сказанных сэром Эдвардом Греем 30 июля 1914, которые по смыслу звучат примерно так: если бы Австрия ограничилась тем, что промаршировав до Белграда, удовлетворилась занятием Белграда, и затем стала бы ожидать, какое суждение будет вынесено на европейском конгрессе в связи с отношениями Австрии и Сербии, то можно было бы сохранить мир. Это высказывание сэра Эдварда Грея было хорошо освещено, так как Грей сказал это немецкому послу и, кроме того, написал это английскому послу в Петербурге. Дело было полностью освещено, так что никаких сомнений в том, что сэр Грей это говорил, быть не могло. Однако вследствие того, что этот социал-демократический депутат снова заявил об этом в немецком Рейхстаге, автор книги «Я обвиняю» был разгневан. Что же сделал этот автор книги «Я обвиняю»? Он написал в «Юманите» в высшей степени клеветническую статью, в которой он упрекает этого социал-демократического депутата во лжи, фальшивом цитировании и так далее. Однако дело это было очень хорошо освещено, и депутат не сказал ничего, что не было бы опубликовано в различных книгах, а также как письмо от сэра Эдварда Грея, которое он написал английскому послу в Петербурге. Как же автор книги «Я обвиняю» мог констатировать лживость? Он сделал это так; он говорит: то, что сказал этот социал-демократический депутат не может быть высказыванием сэра Эдварда Грея от 30 июля, это относится к высказыванию Сазонова от 31 декабря; высказывание Сазонова, а не Грея, звучит, однако следующим образом, как я (*то есть он*) цитирую. Итак, депутат от социал-демократии плохо цитировал Сазонова, ибо высказывание Сазонова таково, и, кроме того депутат утверждает, что это высказывание, сделанное Сазоновым, сделал сэр Эдуард Грей.

Факты были таковы, что указанный оратор ссылался на высказывание Грея. Автор «Я обвиняю» хотел побороться с ним и говорил: сказанное относится не к высказыванию Грея, а к высказыванию Сазонова, к тому же неправильно процитированному. Сазонов сказал следующее....; итак, то, что говорилось в Берлинском Рейхстаге, является, мол, фальшивкой. Он, мол, пускает в обращение двойную фальшивку: во-первых фальшиво цитирует, и во-вторых перелагает высказывание на Лондон, в то время как оно было сделано в Петербурге. Значит депутат - лгун.

Примерно такого калибра вся книга «Я обвиняю»; такого рода доказательства приведены там. Но вы видите, как ограничено, как запутано, насколько бессовестно мышление человека, который в состоянии делать нечто подобное. Но чего он тем самым достигает? Большое число людей, читающих в «Юманите» то, что написано этим малоизвестным автором книги «Я обвиняю», само собой разумеется, не проверяли, так ли это; они имели перед собой и верили тому, что рассказал им автор книги «Я обвиняю». Таким образом нельзя было не только доказать, что депутат от социал-демократов лгал, но можно было показать, - это возникает помимо того «доказательства», которым был озабочен автор «Я обвиняю», -- что силы Средней Европы не несут ответственности за тот первый почин, который был дан со стороны сил периферии. Ибо, как говорит книга «Я обвиняю» этот депутат утверждал, что силы Средней Европы реагировали на то, что изошло с периферии; но он имеет в виду Сазонова! Он цитирует высказывание Сазонова! Силы Средней Европы реагировали совсем не на это, известно, что двигало силами Средней Европы: на эти важные вещи они ни разу не отвечали.

То, что действительно цитировал депутат, относится к предложению Грея, предложению, которое Грей передал своему послу по телеграфу, перед тем, как посол сказал об этом Сазонову. Сазонов же извратил в противоположность всю ту историю, переданную ему тогда от Грея, которая не принесла бы ничего плохого. Автор «Я обвиняю» требует, чтобы обратили внимание на то, что было обращено Сазоновым в свою противоположность, после того как сам Сазонов не принял это к сведению. Однако, можно доказать; то, что Грей телеграфировал своему послу в Петербурге, было донесено Сазонову, но он не принял это к сведению, не принял во внимание. В то же самое время Грей посылает это предложение в Берлин, а из Берлина оно было переслано в Вену. Можно доказать, что между Веной и Берлином велись переговоры, чтобы склонить Австрийскую Империю действительно удержаться в Белграде и затем дожидаться каких-либо европейских переговоров. Это следует из письма, которое сам король Англии передал по телеграфу принцу Генриху. Итак, силы Средней Европы были согласны на предложение Грея. А вот Сазонов не был согласен с предложением Грея! Книга «Я обвиняю», тем не менее, констатирует: силы Средней Европы не ответили, и тем самым навлекли на себя все это страшные вещи.

Это дело не является незначительным, ибо в болезненном вчерашнем документе стоит та же самая фраза. Итак, имеется достойное внимания кровное родство, фамильное родство между всемирно историческим, болезненным документом и человеком, который, поскольку у него на протяжении лет земля горела под ногами, слонялся, чтобы под щегольским титулом «Я обвиняю, - от одного немца» написать всевозможный вздор, который теперь защищают так, как это было сделано в новейшей публикации в «Юманите».

Не надо удивляться, если люди защищаются, как защищался тот немецкий депутат, который в книге «Я обвиняю» был представлен как клеветник, лицемер и лжец. Депутат говорил: в сущности, дело обстоит не иначе, как в случае служанки, которую послали к г. Мюллеру в Долгий переулок 35, чтобы она через два часа вернулась, а она вернулась очень поздно, хотя идти было совсем недалеко. Вернувшись, она сказала: я не смогла его найти! - Как это не смогла? - Да я не пошла в Долгий переулок 35, а в Короткий переулок 85, а там не живет никакого столяра Мюллера, а живет Шульц, но это не столяр Мюллер, а прачка... - Примерно таковы действительная связь - полагал этот депутат - между тем, что говорит книга «Я обвиняю», и тем, что было в действительности.

Этот автор книги «Я обвиняю» - является, конечно, самым плохим примером. Однако манера так обходиться с действительностью есть то, что сегодня является обратной стороной, коррелятивным противоположением спиритуальных стремлений, и как настоящий яд струится по социальным венам вместо того, что должно струиться там: то есть вместо спиритуальных познаний, вместо пронизания себя спиритуальным началом. Мы повсюду можем найти подобные вещи, - я привел пример, где проявилась лживость одного человека, которого я хорошо знаю - причем в разнообразнейших вариациях. Мы можем повсюду видеть, что это выступает как в некотором смысле противоположение того, что необходимо в наше время. Если вообще хотят познать нечто верное, правильное, надо познавать спиритуально, ибо всякое прочее познание сегодня, в сущности, отстает от развития. И поэтому уже необходимо, если в Европу должен придти мирный образ мыслей в отношениях между народами, развивать спиритуальные чувства о народах, что может произойти, если народы понимать так, как это имеет место в моём, прочитанном

незадолго до войны цикле лекций в Христиании о Народных Духах (см. том 121 GA). Надо решиться таким путём спиритуально приблизиться к Народным Духам; только благодаря этому возможно сделать дух человека настолько активным, чтобы он мог выносить надлежащие суждения о таком групповом начале, как народ. Представьте себе, как сегодня могли бы судить о народах, если бы были достаточно подготовлены к этому в спиритуальном смысле! Но то, что мы видим перед собой как радикально и ошибочно выступающее с той или иной стороны, живет не только в самых худших, но даже в самых лучших. Здесь не следует порицать всё, что было характеризовано. Недостаток тут существует просто оттого, поскольку не желают создать спиритуальных условий, чтобы выносить суждения о больших связях между народами. Судят о них, исходя из симпатий и антипатий, а не из настоящего прозрения.

Весьма характерным примером этого является один знаменитый современный роман, где вполне честно пытаются в сюжетных линиях романа охарактеризовать один народ с его различными представителями, в данном случае - немецкий народ. Однако происходит это как раз ошибочным способом, который вследствие недостатка спиритуальности совершенно не в состоянии прийти к настоящим суждениям. Хороший роман я не мог бы привести здесь, поскольку в настоящих произведениях искусства нечто подобное не рассматривают. Но когда роман являет собой нечто тенденциозное, если само изображение носит тенденциозный характер, тогда его следует привести в данной связи. Я ещё раз хочу особо характеризовать то, что я имею в виду: если роман хороший, мы никогда не услышим в нём личность автора, но личное будут выражаться в таких характеристиках, как: что за народ, что за сословие, что за класс и так далее. И если в одном романе Ганс Мюллер или Иоахим Ейкельхан говорят что-то о немцах, французах или англичанах, это не значит, что тут можно к чему-либо придраться. Но не так обстоит дело в романе, который я сейчас имею в виду; нет, тут видно, что здесь на передний план выступает сам автор и сообщает своё мнение, и что он, характеризуя личности, постоянно хочет высказать своё авторское мнение о немцах. Мы сразу увидим это, если о семье героя говорится следующее:

«Он умел говорить красиво, был хорошо сложен, хотя и немного неуклюж; он был тем типом, который в Германии расценивается в качестве образца классической красоты: широкий, невыразительный лоб, сильные, правильные черты лица, вьющаяся борода - Юпитер с берегов Рейна».

Не правда ли, такое не очень подходит в качестве объективного суждения, хотя в отдельном случае такая оценка может даваться часто. Камерный музыкальный оркестр в Германии характеризуется следующим образом:

«Они играли не очень чисто и не очень-то в такт; они никогда не сбивались и верно следовали данной нотной записи. Они были одержимы той музыкальной поверхностностью, которая довольствуется малым и тем совершенством посредственности, которая превалирует в расе, называемой в мире музыкальной».

Другая характеристика дяди героя. Тут сказано:

«Он был совладельцем большого торгового дома, который поддерживал связи с Африкой и Дальним Востоком. Он в целом представлял собой тип тех немцев нового стиля, которые с пристрастием старого идеализма с язвительным презрением относятся к расам и, будучи опьянены победой, силой и успехом, исповедуют культ, доказывающий, что им непривычно жить под этими знаками. Но невозможно ведь вдруг изменить многовековую природу народа; этот регрессивный идеализм все снова и снова проявляется в речи, в поведении, в моральных воззрениях, в цитировании Гёте во всех, даже самых ничтожных домашних случаях жизни. Вот так, возникла потребность посредством причудливых усилий привести в согласие почтенные принципы старого немецкого бюргерства с цинизмом нового рыночного грабежа - странная смесь совестливости и эгоистической корысти, смесь, несущая в себе отвратительный запах лицемерия. Всё это сводится к тому, чтобы из немецкой силы, жажды денег, корыстных интересов создать символ всякого права, справедливости и истины».

О том же самом человеке сказано:

«...ему не доставало того услужливого германского идеализма, который не видит и не хочет видеть того, раскрыть что было бы для него мучительно, не хочет из страха разрушить приятное спокойствие своего суждения и удовольствие от своей жизни»

Далее при таких обстоятельствах, когда автор в некотором смысле, выступает перед рампой, и мы слышим его собственные слова, говорится:

«После немецкой победы (1871 франко-прусская война - примеч. перев.) особо деятельно всё, стремящееся заключить компромисс, создать отвратительную помесь новой власти и старых принципов. Не желают отказываться от старого идеализма: это было бы делом искренности, на которое не способны; вот почему удовольствовались тем, что сфальшивили его ради того, чтобы поставить на службу немецким интересам. Следуют примеру Гегеля, явно двуличного шваба, который дожидался Лейпцига и Ватерлоо (битвы, соответственно окт.1813г и июнь 1815г, где был разгромлен Наполеон - примеч. перев.), для того, чтобы приспособить мысли своей философии к прусскому государству».

Этот господин - автор - имеет странные понятия об истории философии; тот, кто действительно знает её, знает, что принципы гегелевской философии о феноменологии сознания были написаны в Вене в 1806г под гром канонады, среди грома канонады, когда подошел Наполеон; однако это с некоторым «чувством истины» характеризуется так, что Гегель, якобы, дожидался битвы под Лейпцигом, чтобы подделаться под Прусское государство.

«...и теперь, после того, как интересы у них стали другими, изменились также и принципы. Если бы их побили, то сказали бы, что идеалом Германии является человечество. Теперь же, когда побиты другие, оказывается, что идеалом человечества является Германия».

Это, несомненно, тонкая фраза!

«Пока другие страны были мощнее, они, вместе с Лессингом говорили, что любовь к отечеству есть героическая слабость, без которой вполне можно было бы обойтись, и называли себя глашатаями мира. Теперь, одержав победу, выражают непомерное презрение к «французской утопии» - миру во всём мире, братству, мирному прогрессу, правам человека, естественному равенству; говорят, что более сильный народ имеет абсолютное право по отношению к другим, в то время как другие народы, как слабейшие, по отношению к нему бесправны».

Видимо, из этой фразы, после того как война закончится, на периферии смогут наделать много передовиц. Фраза эта появилась незадолго перед войной.

«Живым Богом и воплощённым Духом должен казаться тот, чей успех достигнут посредством войны, насилия и принуждения. Священно то, что говорит сила, которую имеют на своей стороне. Сила теперь стала олицетворением всего идеализма, всего разума.»

Приведенная фраза была удалена. Вы знаете, сейчас нелегко получить вещи через границу, а книга была у меня в Берлине.

Но я хочу привести ещё кое-что из той же самой книги, где автор тоже, некоторым образом выступает перед рампой:

«Немцы счастливы снисходительностью в отношении к физическим недостаткам; они справляются с ними тем, что не замечают их: они могут даже зайти так далеко, что с благосклонной, доброжелательной фантазией приукрашивают их, обнаруживая неожиданное соответствие между лицом, которое они хотят видеть и великолепнейшим экземпляром человеческой красоты. Не требовалось большого дара убеждения, чтобы побудить этого старого филина заявить, что у его внуки нос как у Джуно Людовицы».

Этот нос и это лицо описываются как нечто особенно противное. Это надо отметить.

О Шумане сказано:

«Но именно его пример позволил» - тут называется герой - «Кристофу узнать, что наихудшая фальшь немецкого искусства заключается не в том, что композиторы хотят вызвать чувства, которых сами они не испытывают, а в большей степени в том, когда они выражают чувства, которые испытывают, - и которые сами по себе фальшивы. Музыка есть неумолимое зеркало души. Чем наивнее и доверчивее становится немецкий музыкант, тем больше обнаруживает он слабость немецкой души, её ненадёжную основу, её мягкую сентиментальность, недостаток искренности, её несколько коварный идеализм, её неспособность видеть и мерить самое себя, смотреть себе в лицо».

Затем следует припомнить некоторые приятные вещи из изречений мадам де Шталь:

«Они отбиваются организованно. Они берут на помощь разумные философские основания, для того, чтобы провозглашать в мире то, что наименее философично; уважение перед властью и привычку к страху, который превращает этот уважение в восхищение.»

Автор данного романа добавляет: его герой «находит это чувство» - итак, они отбиваются, преклоняются и боятся -

«...как у самых великих, так и у самых ничтожных немцев - от Вильгельма Теля, осмотрительного мелкого обывателя с натруженными мускулами, который, по выражению свободного еврея Бёрна привёл честь и страх в согласие друг с другом, пройдя мимо столба «любимого господина Гесслера» с опущенными глазами, убеждая себя, что тот, кто не видит шляпы, не является непокорным, - вплоть до почтенного семидесятилетнего профессора Вейсе, одним из наиболее уважаемых учёных города, который поспешно уступал тротуар и отступал в придорожную канаву, если мимо проходил господин лейтенант. Кровь Кристофа закипала, когда он становился свидетелем таких маленьких доказательств рабского пресмыкательства, которые встречались повседневно. Он страдал от этого, как будто он унижал сам себя. Высокомерное поведение офицера, которого он встречал на улице и его ярко выраженная чопорность повергли его в глухую ярость; с вызовом он показывал, что не

сделает ни шагу, чтобы уступить ему дорогу, и, проходя мимо, отвечал его надменному взгляду. Более, чем однажды ему приходилось платиться за это неприятностями; порой казалось, что он искал их. И всё же он был первым, кто видел опасную чрезмерность таких силовых выпадов; но в одно мгновение его здоровое чувство смущалось; постоянное принуждение, которому он подвергал сам себя, его крепкие силы, которые он накопил в себе, не отдавая их во вне, приводили его в ярость. Он был близок к тому, чтобы давать отпор всякой глупости у него было чувство, что он потеряет себя, если останется здесь, хотя бы на год. Он ненавидел грубый милитаризм, чувствуя, что тяготится им; все эти сабли, звенящие о мостовую, эти оружейные пирамиды, пушки, выставленные перед казармами, готовые к выстрелу, которые стояли, направив свои жерла против города.»

Такие вещи представляют интерес с разных точек зрения. Я привожу эти вещи не для того, чтобы из каких-либо личных причин характеризовать то, или иное. Но после того, как этот роман был написан, и вызвал большую сенсацию, нашлись, само собой разумеется, люди, которые оценили его как величайшее мировое произведение искусства. Так бывает всегда. Очень мило выглядит суждение одного авторитетного австрийского критика, - об «авторитетности» я говорю в кавычках, - который пишет: «Этот роман есть важнейшее, что появилось с 1871 года, чтобы сблизить Францию и Германию».

Вы видите, сколько истины заключено в этих делах! И при этом мы имеем дело с человеком, который весьма знаменит, против внешней деятельности которого теперь, в военное время, само собой разумеется, не должно быть ни малейших возражений. Однако то, что стоит в этом романе, можно использовать на периферии в качестве лозунгов, в качестве передовиц; ибо тем, что я зачитал вам, вы могли бы - с виноватым респектом перед периферийной писаниной - в любое время восхищаться, читая передовицы. Вещи эти была написаны, - как выразился австрийский критик: ради сближения Франции и Германии, - задолго до войны: они помещены в романе Ромена Ролланда «Жан Кристоф».

Тут вы имеете пример того, как некто, исключаящий спиритуальное, не желая обладать им, приступая к современным отношениям, не в состоянии увидеть существенное. Ибо, что может знать о немецкой сущности человек, который так пишет об этом? Как говорить, ему

вольно так писать, ибо здесь субъективные суждения автора облекаются в дурное написание романа. Но это всего лишь моё частное мнение, то, что роман - один из наихудших; некоторыми он считается лучшим, что вы уже видели из суждения венского критика. Даже в международной критике он расценивается как один из лучших. Если не стоят на той, сегодня в некотором отношении несколько несправедливой точке зрения, что хвалимое критикой должно быть греховным, можно даже чувствовать респект по отношению к тому, что рассматривается современной критикой как величайшее достижение времени. Но в культурно-историческом смысле именно в таких вещах мы видим, как человеку современности невозможно подступиться к тому, что как задачу ставит перед человечеством пятая послеатлантическая эпоха. Поэтому и должна исполняться карма. Но наша задача состоит в том, чтобы непредвзято размышлять над этими вещами. Мы, прежде всего, должны не принимать без критики и обсуждения то, что говорят в материалистическом мире, но пытаться прийти к собственному суждению на эти темы.

То, что я зачитал вам, было написано много лет тому назад, и в последнее время в прессе Антанты могло чудесно послужить в качестве лозунгов для передовиц. Имеется целая тенденция в направлении этой страшно антинемецкой книги, но это неважно, так как каждую точку зрения можно понять. Однако значило бы странным образом исказить суждение, если книгу, написанную сколько-то лет назад, оценивают так, будто бы она только что появилась, хотя последний том действительно появился недавно. Получаешь своеобразный опыт от того, что, например, всё снова цитируют высказывание якобы Ницше, Трейчке и других. У Трейчке вы вообще стали бы напрасно искать эти высказывания, у Ницше они имеют совершенно противоположное значение, нежели то, которое придается им в прессе Антанты.

Когда я был дружен с издателем Ницше и кое-что обсуждал с ним, один человек, который перевел всего Ницше на французский язык, по четным дням писал из Парижа письма этому издателю; тогда он считал Ницше прямо-таки богом. Сегодня же он грубо ругается по его поводу. Удивительный опыт получаешь с подобными вещами. Было бы напрасно искать у Ницше или Трейчке приведенное в той книге, если не вырывать такие вещи из контекста; их даже не только пришлось бы вырвать из контекста, но, - как это

теперь делают, - вырвать середину, то есть процитировать начало фразы, выпустить середину, и снова процитировать конец. Названных писателей можно цитировать только в том случае, если делают так.

Но Ромена Роланда можно цитировать. Я зачитал вам на пробу только небольшие отрывки из его романа. Вы не должны судить о нём только по этим пробам, которые могут быть умножены бесчисленными другими. Особенным образом могли бы вы вынести суждение о романе в соответствии с тем, что высказано в конце, где вы можете увидеть, что весь роман проникнут тем духом, который обнаруживается в указанных цитатах. Дело тут не в том, чтобы осуждать эту личность; но необходимо со всей остротой указать на то, что как яд по каплям вливается в нашу современную жизнь.

ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ
Дорнах, 6 января 1917 г.

Национализм, империализм, спиритуализм. Механико-материальная цивилизация не национальна, и, как тело, должна получить в качестве души не национальную духовную науку. Национализм как следствие душевного развития, отставшего от материального развития. Полнота идей в немецком идеализме. Власть лозунгов, не соответствующих действительности. Абстрактная идея «вечной жизни». Разоружение: кто должен разоружаться? Британский империализм. Два течения в Англии, пуританское и империалистическое.

В последних рассматриваниях я повторно указывал на то, что именно в связи с устремлениями антропософски ориентированной духовной науки надо знать о том, что для сегодняшнего рассмотрения мира, и вообще для сегодняшнего мировоззрения необходимы иные, более широкие горизонты, нежели те, что доступны человечеству в материалистическую эпоху, характеризованную нами с разных точек зрения. Более широкие горизонты - это значит, что человек хочет и должен понять сегодня мир, особенно мир человеческих событий, находя себе прибежище в понятиях, происходящих из духовной науки. Со всей кармой нашего времени связано то, что большая часть человечества до сих пор отклоняет такие более широкие понятийные горизонты во всех областях жизни и познания.

Если мы хотим с этой точки зрения особым образом характеризовать подосновы одной стороны нашей жизни, то можно сказать, что люди 19 и 20 столетий, насколько продлилось оно до сих пор, переросли объективное развитие, выросли «выше головы». События времени самым интенсивным образом указывают на это «перерастание выше головы», на чрезмерность. К ярко выраженным событиям материалистической эпохи относится материалистический прогресс, поступательное движение по отношению к тому, что, так сказать, было инсценировано в мире посредством материальных средств. Наука материалистической эпохи тоже служит этому материалистическому прогрессу. Особо характерным для этой науки является то, что она развивает всё меньше и меньше интереса к духовному миру, что она всё больше и больше хочет быть некой суммой понятий и идей, которые применимы во внешних материальных событиях.

Этот ход развития особенно выражен в наиболее внешних материальных событиях; в событиях на механическом уровне. То, что мы можем назвать промышленностью, индустрией, машиностроением, в эту материалистическую эпоху достигло большого совершенства. И вполне естественным образом успех в этой области не несёт национального характера, этот всемирный прогресс не имеет национального характера, он, можно сказать, интернационален. Ибо, строится ли железная дорога, или тому подобные объекты в Англии, в России, в Китае или Японии, законы, по которым это происходит, познания, которые при этом требуются, повсюду те же самые, поскольку всё это осуществляется лишь с механической, эмансипированной от человека точки зрения; так что на самом деле в этой области захватывает место интернациональный принцип, причём самым широчайшим образом. В ходе наших духовнонаучных рассмотрений по отношению к той или иной точке зрения часто говорилось: для того, чтобы это произошло, мы имеем на Земле в некотором смысле тело, некое тело, простирающееся по всей Земле. Это тело нуждается в душе, и эта душа точно так же должна быть интернациональной. В качестве такой души надо рассматривать духовную науку, поскольку эта наука на самом деле, как это и должно быть, является познанием, которое не связано с каким-либо групповым или индивидуальным началом на Земле, познанием, которое предоставляет возможность быть понятным каждому, где бы он ни был, быть понятным так, как может быть понятно им материальное начало во внешней материальной культуре: строительство железной дороги, локомотива или чего-то подобного. Часто отмечалось, что благословение, исцеление для человеческого развития может наступить только тогда, если развитие вещественного, телесного начала будет в указанном смысле дополнено развитием душевно-духовного начала. Однако для этого было бы необходимо, чтобы люди ради понимания духовных закономерностей прилагали столько же усилий, сколько приходится им прилагать по принуждению внешних обстоятельств, - которым они подчиняются охотнее, нежели тому, где им предоставлена свобода, - приходится прилагать ради понимания потребностей материального прогресса. До сих пор этого не происходило, но, само собой разумеется, должно произойти в ходе человеческого развития; пусть даже это ещё долго будет происходить в замедленном темпе, но это всё же должно будет произойти. Пусть даже выявится ещё много

неблагоприятной кармы вследствие того, что люди не хотят решаться на нечто подобное, это всё же должно произойти. Ибо то, что должно произойти, произойдёт.

Из-за того, что материальный успех в некотором смысле обгоняет добрую волю к духовному познанию, от внимания людей ускользает всё, проистекающее из этого успеха, прогресса в отношении страстей, душевных импульсов. Это наиболее наглядно обнаруживается внешне посредством того, что приоритет приобретают не те идеи, которые нацелены на гармоническую социальную жизнь людей на Земле; нет, происходит эскалация таких идей, которые раздробляют человечество и ведут назад в те культурные эпохи, о которых можно было бы думать как о давно преодолённых. То, что в 19 веке среди живущих друг с другом национальностей национализм сможет расцвести так, так он расцвёл, является мощной, сильной аномалией; она обнаруживает, что люди в своём душевном развитии не поспевают за материальным развитием.

Если люди будут принимать духовную науку в более широком диапазоне, эта духовная наука станет не только теорией, но наполнением общего душевного начала; тогда она по необходимости должна будет получить иные понятия. И вследствие таких иных понятий она сможет обозреть связи, которые совершенно не в состоянии обозреть материалистическое мышление современности. Некоторые взаимосвязи можно обозреть только в том случае, если для этого имеют правильные идеи. Но идеи должны прорасти столь же живо, как и нечто другое, а значит, вы должны иметь почву, на которой они могли бы расцвести. Однако почвой, на которой могли бы расцвести эти идеи, может быть только такой образ мыслей души, который подготавливается духовной наукой. Если же материалистическое развитие продлится и дальше так, как происходило оно в ходе 19 столетия, люди станут в отношении идей всё более нищими. Выражаясь тривиально: людям не придёт в голову, что надо понимать мир. Они будут указывать на то, что всё, что они думают о мире, может быть побуждено только лишь экспериментом, проведённым перед их глазами. Эта заикленность на эксперименте в новое время есть результат идейной нищеты. Это случается, когда развитие продвигается так, что человечество становится всё более нищим относительно идей. Тут необходима известная интенсивность духовной жизни, ибо человек должен развить духовные импульсы до известной степени силы; если эти

импульсы не притекают к нему из материала идей, он должен взять эти импульсы из иного места.

Если вы хотите отыскать период, когда эти идеи были ключом, когда взрастали настоящие идеи, то таким особо характерным, плодотворным периодом явится тот, который охватывает время от Лессинга до немецкой романтики, до Новалиса, и даже далее, до идеалистической философии, к которой помимо Гегеля, а также Шеллинга и даже Шопенгауэра мы можем причислить тех, кого я привёл в моей книге «О загадке человека» как существующих в материалистическую эпоху философов уходящего мира. Истинное богатство идей существует тут. Отсюда и большое пренебрежение, которое проявляют по отношению именно к этому периоду современности! Но вы только посмотрите на этот период, столь богатый и плодотворный относительно идей, исходящих из намерения понять природу и историческое развитие человека! Я хочу всего лишь напомнить о том, насколько близко подходит к тому, что сегодня мы можем извлечь из духовного мира о человеческой эволюции через различные послеатлантические эпохи с их характерными импульсами - что уместно лишь для нашей сегодняшней эпохи, - насколько близко подходит к этому та плодотворная идея, которая выступала у Шеллинга, Гегеля, Новалиса, у Франца Баадера, и которая в качестве своего первоисточка имела Якоба Бёме; что человеческая эволюция на отрезке времени, который можно обозреть без средств духовной науки, проделала ту первую эпоху, в которую в некотором смысле господствовал принцип Бога-Отца, эпоху, которая характеризуется как Ветхий Заветом в Библии, так и языческими религиями. Те, кого я привёл выше, называли её эпохой Отца. Она завершилась эпохой Сына, в которую в человечестве должна была прижиться идея Мистерии Голгофы. А в качестве идеала для будущего они рассматривали эпоху Духа, Святого Духа, которую они также называли эпохой Иоанна. Они полагали, что только тогда смогут осуществиться великие импульсы Евангелия от Иоанна.

Сколь бесконечно значительной является такая идея в сравнении с нищей, бесплодной болтовнёй об общей эволюции человечества, которая является всего лишь абстрактной идеей, которая присоединяет последующее к прошедшему как очередное звено цепи. Как бесконечно глубоко то, что, примыкая к Якобу Бёме, развил Шеллинг в своей «Теософии»! Эта «Теософия» Шеллинга восходит на

высоты, в сравнении с которыми мысли позднейшей теологии представляли собой глубокий упадок. Шеллинг пришёл к убеждению, что в христианстве дело не в учении, как это представляла себе новейшая прогрессивная теология, - как будто бы Христос Иисус был всего лишь учителем, - нет, дело в том, что Мистерия Голгофы должна рассматриваться, прежде всего, как некий факт, что следует поднимать свой взор к тому, что произошло, смотреть вверх на факт, совершившийся благодаря жизни, стремлениям и Воскресению Христа Иисуса.

Так можно изучать всю сумму превосходных, широкомасштабных идей этого периода. Но с чем же связано это существование таких широкомасштабных идей? У тех, кто выступал с подобными идеями вы не найдёте одного: национальной ограниченности. Вы повсюду найдёте то, что тогда в тех кругах называли космополитической позицией - другой вопрос в том, насколько понимают это слово теперь, после того, как столь многие слова стали всего лишь фразой. Насколько далёким от всякой национальной ограниченности был, например, такой мыслитель, как Гёте. Насколько далека от любой национальной ограниченности такая поэма, как «Фауст»! Дело тут не в первоначальном её источнике. Само собой разумеется, что «Фауста» можно представлять себе лишь как произошедшего из средневропейской культуры, однако по отношению к тому, чем стал «Фауст» в поэме Гёте, было бы несомненным абсурдом запрашивать метрическое свидетельство Фауста. Однако этот абсурд стал в наше время реальностью, стал фактом. В сущности всё, что происходит в современности, является явным отрицанием того, до чего, например, возвысилось человечество благодаря поэме о Фаусте. Но отсюда мы видим, что в человечестве наличествуют все задатки к тому, чтобы продвинуться дальше, чем оно есть сегодня, и, тем более, чем оно будет в ближайшее время.

Однако я говорил о том, что человеческая душа нуждается в некоторой интенсивности своих импульсов. Если она не в состоянии подняться к идеям, то она обретает эту интенсивность в ином месте; она берёт её в темных, подсознательных силах души, из того, что, поднимаясь, пульсирует из духа крови. По существу национализм является ничем иным, как результатом безыдейности. Первое, в чём нуждается человечество, - это воля подняться к идеям. Но можно сказать: это относится к достижению только что указанного понимания того, что по отношению к

духовному миру можно назвать благодатью, милостью. Ибо духовный мир не позволяет достигать себя, если человек исходит из определённой узко ограниченной суммы предубеждений: нет, он позволяет достигнуть себя лишь тогда, когда человек оставляет душу открытой для того, что должно внедриться в неё, если человек хочет не только судить, но ежедневно обогащать свою способность к суждению.

И, прежде всего, необходимо достичь понимания, познания людей. Мы находимся в периоде, когда надо обрести душу сознательную. Этот период должен стремиться к пониманию. Однако понимание может быть достигнуто только в идеях, охватывающих весь мир, может быть достигнуто только при пронизании всей действительности идеями. Именно в отношении самых ближайших событий наше время совершенно неспособно воспринимать идеи. Абстрактные понятия, будучи логичными, будучи просветляющими, не являются идеями. Идея должна быть порождена живой действительностью. В наше время мы видим, что идеи еле-еле возникают, и тем более находим мы стремление к абстрактным понятиям. Идеи, несомненно, могут становиться даже лозунгами, но в этом случае они не приносят особого вреда, поскольку человеческие души не особенно хорошо приводятся в действие лозунгами, если последние являются коррелятом идей; абсурдность выступает слишком явно. Не так обстоит дело с абстрактными понятиями. Абстрактные понятия могут становиться лозунгами с большей интенсивностью; они столь убедительны, поскольку они, в сущности, указывают на самое ближайшее, так что жадно схватываются людьми, которым противна дальновидность. Однако абстрактные понятия не базируются на действительности. Хотя мы и видим сегодня повсюду большое число абстрактных понятий, но для того, кто прозревает действительность, они выявляют свою всё большую беспомощность.

Давайте возьмём какую-либо из многих абстрактных идей, которые господствуют сегодня. Такой абстрактной идеей является, например, идея вечного мира. Так, как её используют сегодня, она является абстрактной идеей, которая не охватывает реальность жизненно, но всё же представляется чем-то само собой разумеющимся для тех людей, которые не хотят иметь дело с более широкими горизонтами. Говорится: различные государства, - при этом не думают, однако, насколько это слово - «различные

государства» вообще представляет собой реальность, - образуют межгосударственную организацию, нечто, распространённое по всему миру и построенное по образцу отдельных государств; она должно, как говорят, санкционировать «международное право». Идея прекрасная, и потому очевидна для каждого. Различные государства должны быть обязаны сохранять мир, должны основывать свои обоюдные интересы на известных правовых нормах. Всё весьма прекрасно! Но несомненно, что было прекрасно также и то, если бы мы, чтобы иметь тёплую комнату, не нуждались бы в отоплении, но довольствовались развитием абстрактного понятия теплоты. В случае какой-либо идеи речь идёт не о том, прекрасна она, или нет, убедительна она, или нет; ибо что может быть убедительнее мысли, что наша потребность в печах или чём-то подобном означает страшную деспотию со стороны природы!

Дело не в том, соответствует ли идея чувству, которое люди выражают такими словами, как: это прекрасная, гуманная идея, - или говорят иначе; нет, дело в том, выросла ли эта идея из действительности. Если бы стали исходить из идей, выросших из действительности, то в любом случае пришлось бы, прежде всего, изучать саму эту действительность. Любой узкоголовый, - простите меня за такое выражение, - может предлагать прекрасные программы, о том, что в будущем должны будут делать государства, чтобы установить мир, - но он не может придти к идеям, соответствующим действительности, рождённым из действительности. По отношению к духовному миру отсутствует чувство, что он представляет собой действительность со своими законами, чувство, которое, само собой разумеется, имелось по отношению к материальному миру; но полагали, что можно парой фраз упорядочить весь мир, не чувствуя при этом, что мир есть реальность, в которой обоюдно контрастируют чисто реальные импульсы. Однако вследствие того, что опьянялись программами, состоящими из абстрактных идей, мир удерживался от того, чтобы понять действительность.

Порой плодотворная, действенная идея на словах звучит совершенно одинаково с жизненной идеей: речь тут только о том, что понимать под жизненностью. Сегодня, однако, дело обстоит так, что жизненность зачастую кажется людям чем-то в высшей степени парадоксальным. Так в ходе 19 столетия и 20 столетия в разных местах мира приходили к так называемой идее разоружения, к идее по ограничению милитаризации. Это прекрасная идея, но она не должна

оставаться абстрактной, если ей суждено быть плодотворной! Она должна считаться с действительностью. Но для этого надо изучать самую действительность. Собраться где-то и определить: государства должны разоружаться, - это можно; это очевидная идея. Но или все они не будут этого делать, или отдельные из них не будут этого делать; но даже если бы и все они делали это, они вскоре снова начнут вооружаться, если дело не исходит из действительно плодоносных импульсов. Но как только сегодня указывают на плодоносный импульс, подвергаются опасности, что сказанное покажется большинству людей страшной глупостью, ибо именно наиболее разумное сегодня считают самым глупым. - Под «разумным» я имею в виду в этой связи то, что соответствует действительности.

Я говорил: конечно, мысль о разоружении, мысль о постепенном уменьшении милитаризации есть прекрасная мысль. Но она никогда не сможет осуществиться в результате решения, принятого в каком-либо комитете государств. Она может стать реальностью лишь тогда, если станет соответствовать какой-либо реальности. Что это значит? Как можно прийти к разоружению? Тут необходимо говорить очень конкретно. В самые разные времена в 19 веке имелись возможности приблизиться к мысли о разоружении, сделать её действенной идеей. Как, например?

Скажем, кто-либо имел такую идею перед 1870 годом (*начало франко-прусской войны - примеч. перев.*). Как можно было бы реализовать её? Именно перед 1870 годом можно было бы сделать шаг в сторону мысли о разоружении, который был бы весьма плодотворным для человечества. Теперь, однако, речь пойдёт о том, что в настоящее время, несомненно, должны были бы расценить как нечто наиболее глупое: никогда не удалось бы подступить к мысли о разоружении при посредстве союза государств! Это настолько же неплодотворно, насколько прекрасно. Плодотворным могло бы стать, если бы одно государство, именно то, которое это могло, начало бы разоружаться, если бы оно могло осуществить это разоружение. Но при этом надо быть в состоянии считаться с действительностью.

Возьмём пару государств Европы только для того, чтобы выявить действительное. Может ли разоружаться Россия? Очевидно, нет, без дальнейших последствий, ибо за ней находится Азия; если бы Россия разоружилась, она никогда не смогла бы иметь заслона против агрессивных народностей Азии, которые наверняка не стали бы разоружаться; итак, об

этом не может быть и речи. А то, что существовало тогда в Средней Европе - Германской Империи ведь ещё не было до 1870 года, - могло ли оно разоружаться? Оно, по крайней мере, на Востоке, граничило с государством, которое не могло разоружаться; следовательно, и оно не могло разоружаться, это было исключено. - Но одно государство могло бы разоружаться; оно подало бы прекрасный пример, вследствие которого в новое время в существенном могло бы реализоваться то, о чём это государство всегда трубило по миру - это Франция. Перед 1870 годом Франция могла бы благополучно разоружаться, вследствие чего война 1870 года никогда бы не состоялась. И с той поры Франция в отношении европейских обстоятельств - но не колониальных дел - во всякое время была в состоянии приступить к разоружению. Тогда было бы положено начало, и это дело могло бы продвигаться по направлению к Востоку.

Конечно, каждый, кто думает абстрактно, возразит: ведь Франция должна была бы подвергнуться опасности нападения со стороны Германии? Она никогда не подверглась бы такой опасности; ибо причина, из-за которой одна страна попадает в войну, всегда состоит лишь в том, что она может вести войну, то есть, она милитаризована. Страна может вести войну: но, ни одна страна, если она не милитаризована, не подвергнется нападению при обстоятельствах, когда соседние страны не имеют ни малейшего интереса нападать на эту страну. Само собой разумеется, что, например, Швейцария никогда не была бы в состоянии развивать милитаризм. Итак, не следует одно переносить на другое. Не следует абстрактно возражать, что Германия при всех обстоятельствах хотела бы обладать Эльзасом и Лотарингией. Это бессмыслица. Почему она должна была бы хотеть при любых обстоятельствах обладать Эльзасом и Лотарингией? Обладать Эльзасом и Лотарингией, поскольку в Эльзасе живут немцы, ещё Бисмарк называл досадной и безумной профессорской идеей фикс! - Речь всегда шла о создании военной безопасности; ибо поскольку Франция имеет вооруженные силы и владеет Эльзасом, из Франции можно попасть в Штутгарт быстрее, чем из Берлина. Не было никакой иной причины присоединять Эльзас к Германской Империи, как только эта: иметь военную защиту в направлении Запада. Это сначала кажется совершенно парадоксальной идеей, но сегодня реальности для нашего абстрактного мышления, - этого близнеца материализма, - таковы, что кажутся парадоксом.

Если вы представите себе, что Франция уже перед 1870 годом приступила бы к разоружению, вы придёте к понятию о том, что могло бы быть предотвращено всё, если бы тогда мыслили в соответствии с действительностью; по отношению к такой идее могло бы весьма распространиться мышление, соответствующее действительности. Конечно, идеи соответствующие действительности не всегда осуществляются по той простой причине, поскольку им противостоят другие импульсы. Но это не говорит против действительности. Если цветок растёт в соответствии с законами своей действительности, то это и есть его истинные законы, по которым он растёт; если же по нему проедет колесо машины, он не будет развиваться. В нашем мышлении должно существовать нечто соответствующее действительности; доказательством недействительности идеи не является то, что эта идея в какую-либо эпоху не осуществилась.

Это касается насыщения идеи действительностью. Не имеет смысла обладать прекрасной идеей какой-либо машины, не владея познаниями в механике и не умея конструировать машины; также нет никакого смысла и в том, чтобы предлагать государственные или тому подобные идеи, если человек не в состоянии увидеть реальные импульсы, которые в данном случае можно получить только посредством духовного начала, посредством духовного мира. Итак, мы, прежде всего, имеем первое, на что мы должны обратить внимание: насыщение идеи действительностью.

Вторым является широта горизонта, воля к обозрению более обширного горизонта. В последний раз я зачитывал вам некоторые рассуждения о немецкой сущности, рассуждения одного знаменитого человека из одного объёмного романа, который вызвал большую сенсацию. Но все эти рассуждения проистекают из узкого горизонта, происходят из образа мыслей, который не желает видеть дальше, чем на пару вершков от своего собственного носа. Однако жить с таким узким горизонтом - значит создавать дисгармонию в мире. Тогда можно распространять прекрасные идеи о мирном сосуществовании народов, - если подумать над этим, придёшь к выводу, что эти прекрасные идеи есть ничто, и действуют в высшей степени разрушительно; ибо то, что человек думает в действительности, развивает прямо противоположное тому, что он говорит своими прекрасными идеями. Подступаться к действительности, - вот в чём тут дело. Действительность,

которую мы имеем до сих пор перед нами, есть то, что по небрежности в словоупотреблении называют современной войной. Ибо в действительности это больше не война; это можно известным образом лишь сравнить с теми событиями, которые в прошлом обозначали как войну. Само собой разумеется, существуют самые разные импульсы, из которых развилась эта война, но и здесь тоже необходимо придти к понятиям соответствующим действительности, если мы хотим достичь понимания.

Сегодня мир переживает время, которое он должен использовать, чтобы придти к идеям соответствующим действительности, показав тем самым, что в последнее время оказалось забытым всё происходившее в истории человечества перед наступлением этих трагических событий современности. Само собой разумеется, при наличии таких событий было бы проявлением мелочности говорить о всевозможных ужасах, мерзостях и тому подобном. В соответствие с опытом, который можно было получить в истории человечества, это нечто само собой разумеющееся. Не следует оглушать себя этим по отношению к более глубоким вещам, которые имеются в наличии, и познание которых единственно может привести человека в плодотворное состояние.

Позвольте сегодня обнародовать то, что, возможно, известно каждому, кто внешним образом охватывает связи на физическом плане, или выступает в ещё более ярком свете, будучи проникнут идеями, которые мы получили из цикла о Народных Душах (том 121). К всевозможным причинам, приведшим к этим болезненным событиям, относятся и вещи, которые могли бы стать всё яснее и яснее даже для внешнего мира, но только при желании действительно расширить горизонт. От населенной суши Земли Британская Империя обладает одной четвертью; Британская Империя вместе с Францией и Россией - половиной. При создании коалиции между Россией, Францией, Британской Империей и Америкой, она охватывала бы примерно три четверти населенной Земли; оставалась бы еще одна четверть. Сами по себе эти числа уже должны сказать многое тому, кто видит действительность. И всё же мы рассмотрим ту четверть Земли, которая объединена как британская мировая Империя.

Тут мы, прежде всего, имеем три относительно маленькие области: Англию, Шотландию и Ирландию. Говоря об Англии, Шотландии и Ирландии как таковых сегодня, вообще не

имеют в виду то, чем является Британская Империя. В гораздо большей степени, говоря об Англии, Шотландии и Ирландии, имеют дело с теми из областей мира, которые породили великого Шекспира, несравненного мыслителя, откуда в более ранние времена произошли великие государственные мужи. Касаются лишь хорошего. Прикасаются к тому, что в высшей мере предназначено играть роль в пятой послеатлантической эпохе. Однако того, чем является сегодня Британская Империя, не касаются, ибо эта Британская Империя сегодня представляет собой три островные области, включенные в Европу, и то, что в самом широком охвате может быть названо их колониями. В ближайшее время, в особенности, всё развитие этой Британской Империи происходило под влиянием импульса, определяемого посредством отношений митрополии к колониям. Можно исследовать, как в ближайшее время пытались соответственным образом установить эти отношения между митрополией и колониями.

То, к чему стремилась Британская Империя, состояло в удержании тесной связи между митрополией и колониями. И когда я говорил вам о применении оккультных сил, это применение состояло в том, что такие силы использовались ради достижения этой цели. Если человек допускает действие этих оккультных сил в их собственной области, они никогда не станут вредными. Но если стремятся к чему-то эгоистическому, будь то для отдельного человека, будь то для группы, эти силы могут действовать лишь вредным образом. Было нелегко установить эти отношения между митрополией и колониями. Тот, кто верит сегодня, что можно установить мир во всём мире используя программы международных организаций, тот, конечно, не имеет понятия о том, как надо обращаться с действительностью, если необходимо осуществить нечто подобное тому, как: британскую митрополию сплавить, накрепко соединить с колониями в единое целое, желанное для Британской Империи. В основе такого стремления лежит то, что там называют империализмом. Это то, чего всегда добивались в самое ближайшее время; добивались, исходя из целиком и полностью материальных импульсов. С известной точки зрения находили, что все средства хороши, если они будут служить этой идее. Британская Империя должна была придти к тому, чтобы достичь тесных взаимоотношений с колониями. Для этого требовался импульс, который бы так излучался в человеческие сердца, чтобы они пошли на то, с

чем они в ином случае не соглашались. С этим связано то, что Европа должна была вести войну для того, чтобы из настроений этой войны извлечь импульс, необходимый для Британской Империи, чтобы объединить её колонии с митрополией. Для изучения процессов на физическом плане не просто интересно, но и в высшей степени значительно изучать, как все абстрактные рассуждения заблуждались относительно того, что я только что сказал.

Прочтите литературу, написанную «умными» людьми, - умными в том смысле, как я часто употребляю это слово, - особенно написанное при приближении этой войны. Все они рассчитывали: если придёт война, она пойдёт на убыль, она прекратится, она прекратится. Ничего такого не произошло; наступило прямо противоположное этому. Мысля в соответствие с действительностью, должны были бы сказать: если Британская Империя хочет сблизиться со своими колониями, если она хочет создать импульсы, подходящие для того, чтобы объединить колонии с митрополией, тогда она нуждается в войне, тогда эта война становится средством для достижения высшей так называемой государственной цели. А всюду, где так думают, цель оправдывает средства.

Теперь наступил тот момент времени, когда люди особенным образом наталкиваются на этот факт. Если мы рассмотрим эволюцию Британской Империи, то нам будет надо, - я говорю о современности, - всегда принимать к сведению наличие двух потоков, которые значительны: первый носит более или менее пуританский характер, - это обозначение несколько одностороннее, но правильное, - он проявляется в том, что является отличительным качеством британской народности. Пуританское течение, доходя до начала девятых годов 19 столетия, господствовало в британской политике. В девятых годах произошло изменение; тогда империалистическое течение стало больше и значительнее пуританского течения.

На подходе империализма имелся хороший инстинкт. Достоин внимания, насколько хорош был этот инстинкт. Я хочу обратить ваше внимание на один курьёзное явление, поскольку оно наглядно показывает связь этих вещей. Когда мы, примерно перед основанием Немецкой секции Теософского Общества, были в Лондоне, миссис Безант ещё долго не была той, кем она стала позднее. Она всегда становилась той, которой должна была быть вследствие влияния, под которым она находилась. Она была исключительно популярной в том кругу, который тогда в

Лондоне называли теософами. Она имела разные стороны. Тогда, - это происходило в начале столетия, она прочла лекцию о теософии и империализме. Империалистический инстинкт развивался там очень быстро. Миссис Безант выступала, в сущности, против империализма, и можно было видеть: с этих пор её популярность совсем упала в Лондоне, упала даже среди тех, кто тогда был теософом. Несколько личных друзей ещё оставалось у неё, но популярность упала, так как она отважилась сказать нечто против империализма. В таких делах обнаруживаются силы, которые, в случае, когда их проникают, ведут человека к познанию крупных связей.

Вплоть до совсем недавнего времени нечто пуританское ещё действовало в Англии. Даже у ведущих паяцов, марионеток, политиков, - даже в этих марионетках - в *Асквифе в Грее* - было нечто пуританское. Это должно было исчезнуть, ради осуществления импульсов, о которых я говорил; а то, что пришло после носило всецело марионеточный характер. Но всё пуританское исчезло. С одной стороны мы видим нечто негативное: циничное отклонение мыслей о мире с лицемерной мотивировкой, что эти мысли отклоняют потому, что хотят мира. Однако сегодня можно безнаказанно говорить глупейшие вещи, без того, чтобы в дальнейшем за них пришлось поплатиться. Позитивным было событие возможно мыслимой важности: созыв министров колоний, что относится к первому действию того человека, который оригинально-негативным образом смог взойти на первый пост в мире. Сейчас об этом уже говорят в обществе. Но общественность лишь впервые натолкнулась своим носом на то, что уже с давних пор должно было быть ясно для того, кто живёт в настоящих идеях. Человек не может разобраться в действительности, если не имеет склонности воспринимать настоящие идеи. Только тогда сможет он смотреть на внешний мир таким образом: человек видит нечто и считает это незначительным; он видит это ещё раз и ещё раз, и всё же не считает важным; в четвертый, в пятый раз он уже считает это важным, ибо это - значительный симптом, указывающий на предстоящие события. Не всё имеет одинаковую важность, но для того, что важно, надо иметь некое чутьё, чувство, обладать которым можно только, получая в душе импульсы, даваемые только на духовнонаучной основе.

Впрочем, мне на днях попалась очень интересная статья весьма популярного британского писателя, который теперь

является журналистом, служит в армии, и по всему написанному им, обнаруживает, что как он связан с этими плетущимися нитями. То, что он кратко описал в «Лондонском журнале», довольно значительно. Мне это, как говорится, передали случайно. Но случайности в этом нет. Интересно то, что этот военный писатель, который, как говорят, связан с нитями, управляющими событиями, пишет о нынешнем положении:

«Английский народ всегда имел волю к завоеваниям (the will to conquer) и имеет её даже сейчас. Благодаря это высокому пониманию мы будем вести войну до конца. Мысль о нашей непоколебимой решимости победить есть самое благородное из того, что мы можем оставить нашим потомкам, сынам и дочерям Англии и её славным необозримым областям... При заключении мира мы будем иметь в своих руках миллионы квадратных миль немецких колониальных областей. Мы будем тогда иметь в распоряжении миллионы мужчин, участвующих в войне. Наше превосходство на море будет больше, чем когда-либо. Мы предоставим миру неопровержимые доказательства того, что наша мировая Империя едина и неделима, что наш дух неукротим, и что военные качества нашей страны достойны нашего славного прошлого. В настоящее время на Англию в никогда ранее невиданном масштабе налагается моральная и материальная печать власти. Как будем мы вести себя при заключении мира? Объединив армию, флот, вспомогательные средства, мы будем первой военной силой в мире.»

Как-то странно воздействует то, когда предлагают проникновенно верить в необходимость борьбы с «милитаризмом», но в качестве высшего идеала предлагают стать первой военной силой в мире!

«Нас должны признать хребтом Антанты».

Это нечто, что следовало бы прочитать во Франции.

«Нам предназначена ведущая роль в Антанте, и водительство в Европе принадлежит нам по праву.»

Тут он присваивает себе слова Киплинга, которые гласят: «Мы имеем людей, суда и деньги.»

«Парламент должен сейчас на годы вперед выдвинуть на первое место потребности военной машины и затем продлевать это положение в течение неопределенного времени.»

В таких делах высказываются импульсы, инстинкты, связанные с нитями, которые манипулируют всем. Эти дела надо рассматривать со всей объективностью, избегая партийного подхода в том смысле, когда вполне добропорядочные, но недалёковидные патриоты встают на сторону партии. Почему же нельзя увидеть эти вещи? Они являются объективными фактами! Ибо то, что живёт в импульсах человечества, является объективными фактами, которые и порождают исторические события.

Насколько далеко должны мы отстоять от партийного подхода к тому или иному, настолько важным является, когда мы говорим в лекциях о том, что пытаемся говорить об этих вещах со всей объективностью. И вы увидите, что как скоро о вещах говорят с полной объективностью, сами факты предоставляют доказательства.

Нельзя достичь понимания мира, если нет воли к тому, чтобы входить в факты. Ведь эта так называемая ответная нота Антанты, этот «рождественский подарок» для Земли - да, мои дорогие друзья, в тексте, составленном так, едва ли можно найти обзор исторического развития, общие выводы, обоснованные в соответствии с его композицией. Можно сказать: то, что написано здесь, то, что будет иметь тягчайшие последствия, лучше всего читать так, если разбирать по каждой фразе в отдельности. Тогда станет ясно: дело вообще не в том, что здесь написано! - Дело в том, что за этим стоит характеризованное мною, стоит то, чего хотят. Само собой разумеется, будут соблюдать то, что сказано в ноте. Но если спросить: достигнуто ли это путём переговоров? - то следовало бы, конечно, ответить: «нет». Само собой разумеется, что это было бы недостижимо путём мирных переговоров. Это было бы достижимо лишь тогда, когда были бы созданы гарантии, а гарантии заложены в господстве; гарантии состоят в том, что тот, кто хочет иметь эти гарантии, должен один определять все, тогда как все другие больше не определяют; это достигается лишь соотношением сил. Но достичь этого ещё долгое время не удастся. Однако предаваться иллюзиям о том, что к этому надо стремиться, было бы поистине безответственно по

отношению к тому, что человек должен иметь как чувство истины.

Никто не может предполагать, что сказанное мною направлено против британского народа, ибо я хотел провести различие между этим британским народом и теми, кого я называю тривиальным выражением «закулисных заправил», теми, кто стоит за происходящим, как это уже было достаточным образом характеризовано. Также нет необходимости в том, чтобы идентифицировать себя с такими импульсами, несмотря на то, что в мою задачу, разумеется, не входит удерживать каждого от идентификации с такими импульсами. Он только должен говорить правду, а не говорить, что он идентифицируется с идеалом права малых наций на самоопределение, и тому подобным; нет, ему должно быть ясно, что его воля направлена на то, чтобы завладеть миром, господствовать над миром. Тогда человек поймёт себя в своей истине, а это то, в чём тут дело. Мы пойдём дальше, если люди будут правдивы. Если они скажут то, что есть на самом деле, тогда мы пойдём дальше. Пусть то, что истинно, - плохо, мы с ним продвинемся дальше, чем с неистинным. Вот то, что мы должны особым образом записать в своих сердцах: тем самым мы продвинемся дальше, чем с неистинным, неправдивым.

Конечно, было бы глупо считать, что посредством всевозможных добрых уговоров или всяких предложений можно удержать какую-либо мировую державу от того, чтобы она преследовала свои цели. Конечно, было бы глупо морализировать и прилагать всевозможные моральные мерки. Именно потому я читал вам лекцию об истории опиумных войн, чтобы вы отказались от приложения этих моральных мерок. Но дело в том, чтобы говорить правду, говорить истину. Для мира было бы гораздо лучше, - даже если не для тех, кто рассматривались как закулисные заправилы, - если бы сухо и цинично сказали: этого хотят.

Пусть же в этой специальной области появится то, что должно быть путеводной нитью и целью для нас: «Мудрость заложена только в истине».